

“В словах этих читатель, надеюсь, не захочет искать пошлой лести”*

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

Хорошо известно, что В.И. Даль связывали с А.С. Пушкиным добрые, дружеские отношения, которые укрепились после их встречи в Оренбурге в 1833 году. Относившийся восторженно к великому писателю Даль гордился благожелательной оценкой, которой тот удостоил его сказки.

Пушкин был для Даля высоким образцом не только в художественной литературе, но и в журналистике, которая, по его мнению, в России в то время приходила в упадок. Причину он видел в деятельности редактора “Библиотеки для чтения” О.И. Сенковского (“барона Брамбеуса”), вносившего в нее “недобрый, враждебный и губительный дух”.

Ниже приводится текст статьи В.И. Даля “Во всеуслышание”, в которой он, критикуя Сенковского, высказывая свой взгляд на журналистику и на роль журналиста, называет “Современник” А.С. Пушкина и “Московский наблюдатель” М.П. Погодина журналами “основанными, по духу и направлению своему, с достойной и благородной целью”, а чувство, испытываемое в обществе к Пушкину, должно, как он пишет, “воспламенить каждого из нас к благородному соревнованию на поприще полезного и изящного”.

Эту статью, написанную в Оренбурге и датированную августом 1836 года, Даль, видимо, отдал А.С. Пушкину для публикации в “Современнике” поздней осенью того же года, когда, сопровождая В.А. Перовского, приехал в Петербург и провел в столице всю зиму.

Именно в это время произошла дуэль А.С. Пушкина. Трагические часы после нее В.И. Даль - как врач и друг - провел у постели раненого и оставил потрясенные своей искренностью воспоминания о последних часах поэта. “Я приблизился, - писал он позднее, - к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты, - я ответил ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира”.

По возвращении в Оренбург, летом 1837 года, Даль написал стихотворение “Не стыдно ль вам!” В нем выражены чувства и чувства, которыми проникнуты строки знаменитого “На смерть поэта” М.Ю. Лермонтова.

1 сентября В.И. Даль писал А.А. Краевскому, что 24 июля послал ему через литератора А.П. Башуцкого “преполитическое стихотворение “Не стыдно ль вам”, которого, вероятно, нельзя будет напечатать”.

И действительно, напечатано оно не было. Его рукописный текст, как оказывается, хранится в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Петербурге. Он написан писарским почерком, но под ним значится собственноручная подпись Даля. Здесь же - его карандашная приписка: “Прошу покорнейше передать князю В.Ф. Одоевскому или Краевскому для помещения в “Литературные прибавления”.

Ниже А.А. Краевский отметил: “Статья написана в свое время, но запоздавшая несколько в печати”.

Приводим текст этого неизвестного стихотворения В.И. Даля.

НЕ СТЫДНО ЛЬ ВАМ!

Не стыдно ль вам полвека без оглядки
Мычать, рычать, буйнить, пировать,
Святым играть, заветного не знать,
Не стыдно ль вам своей бессовестной повадки?
Святыню вы давно стоптали в прах и грязь;
Святого нет для вас, - для вас оно погубило;
Вам буйство - и кумир и князь
И своеволие волю вам подшибло.

Кричит любой из вас за семерых,
Скрежещет, злобствуя, зубами
И на дыбы взвиваться лих
И мечет чеством, что плевками...

И благо и добро вам пустышь, вздор и сор;
Что свято для других, для вас одна игрушка;
Греха не знаете, вам совесть не укор;
Зато существенны - цветы, полоска, мушка,

Покрой жилетный да узор!!
О пустословия и похвалы
Преголосистые, заносчивые барды!
Горазды вы причесывать чубы,

Отращивать усы и бакенбарды,
Да обмолачивать, беззаботье,
Всех пошлостей хвостец да ухоботье!
Не стыдно ль вам, что ваши короли

Без пистолетов со взведенными курками,
Без взвода палашей, среди своей земли
Не смеют показаться между вами?
Кареты строят, словно корабли,
И бивают их железными листами?

Фото Ларисы Терентьевой.

Не стыдно ль вам - не нас, себя самих,
Коли хоть искра в вас стыда найдется,
Не стыдно ль в нуков вам воях,
Что им за вас краснеть придется?

Какой дадут они ответ
За эту бездну зол и бед,
Когда их спросят наши внуки?
За этот вздор, за этот бред,
За шалостей бессмысленных черед
И в пакостях сердца погрязшие и руки!

Да, гадко слушать вас и жалостно глядеть,
Как вам с похмелья все мерещится пирушка!
Пора, пора самих себя вам пожалеть,
Не дешево далась вам эта побрякушка!
Чего вам на стену, как бешеному, лезть
И нянчить сатану и день и ночь возиться?

Пора, пора угомониться,
Пора опомниться, присесть,
Пора бы вам - перебеситься!

В. Луганский.

6 июня - день рождения А.С. Пушкина Во всеуслышание

В.И. Даль
Письмо к А.С. Пушкину

П.И. Бартенев, опубликовавший это письмо в 1880 г. (журнал “Русский архив”, 1880, №3), писал: “Эта статья найдена в числе писем разных лиц к Пушкину, к которому была прислана, вероятно, для напечатания в “Современнике”, чего Пушкин не успел сделать”. В статье речь идет о журнале “Библиотека для чтения” и о недостойных, по мнению Даля, методах работы ее редактора О.И. Сенковского (1800-1858).

“Братья и сподвижники! Отечественной словесности нашей угрожает бедствие и позорное пятно ее уже поразило и запятнало. Современники, вспомните о потомках, не заставляйте их краснеть за себя!..

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Наградила Академия

Вчера в музее изобразительных искусств скульптору, заслуженному художнику России Надежде Петинной был торжественно вручен Диплом Российской Академии художеств за серию ее работ, посвященных Александру Пушкину.

Поздравить Надежду Гавриловну с высокой наградой собрались представители областной и городской администрации, коллеги, друзья, журналисты.

- Не одно десятилетие отдано работе над пушкинским образом, а сколько еще недосказано, - сказала она нашему корреспонденту. Пушкин неисчерпаем. Долго я не решалась подойти к нему. Многие уже было создано братьями, а хотелось сделать по-своему. “Высказаться” в одной работе оказалось невозможно. Так появились несколько вариантов скульптуры “А.С. Пушкин и В.И. Даль”, “Пушкин и Наталья Николаевна”, другие... Наверное, что-то удалось, если Академия художеств отметила их своим Дипломом. Особая благодарность администрации города за помощь. Найдено и любовно обустроено прекрасное место для памятника Пушкину и Далю. Думаю, моя Пушкиниана еще не завершена.

(Мысль А.Ф.Смирдина издавать “Библиотеку для чтения” была “прекрасна и благородна”). Почтенный издатель, до исполнения общепольных предположений своих, почтил и меня неоднократно беседой относительно цели, видов и надежд своего предприятия...

Но кормчий правит кораблем, а не хозяин... Что проку в том, если судохозяин не пожалел ни трудов, ни издержек, чтобы отстроить и отделать судно свое как нельзя лучше, если и прочие участники этого предприятия доставят дельный, хороший, полезный товар для груза; а между тем кормовщик станет плутать три года со днем Бог весть где, станет забавляться тем, что станет стеречь и караулить все суда, которые мирно и спокойно плывут, каждое по своему назначению; станет им отрезывать путь, сбивать и сгонять их под ветер в надежде, что корабельщики, жалея себя и товар свой, // не захотят встретиться бортом водорез нахального и бестолкового плавателя? Он кончит тем, что введет в убыток судохозяина, коего доверенность употребил во зло, и покинет после себя вечную хулу и нареkanie - чтоб не сказать презрение, честных и благонамеренных людей (с. 473-474).

“Библиотека для чтения” постоянно прогнила и упитана таким недобрым, враждебным и губительным духом, что трудно было разгадать и постичь цель и намерение г. издателей... В особенности отделе критики и литературной летописи составлялись с таким неслыханным небрежением, заносчивостью, с такою бестолковою и бесталанною барскою спесью, что это уже вовсе выходит из пределов благопристойности... Здесь уже не было ни малейшего уважения ни к кому и ни к чему, кроме одного только себя. Везде только Я да Я, да опять только Мы да Я, которое сквозило всюду, нахально лезло в глаза и самохвално само себя выставило первообразом, повелительно требующим подражания и поклонения...

Тут уж мало умения, незнания дела; нельзя извиниться и непривычкою, неведением законов приличия и житейского благородства, тут видна цель, намерение, умысел, постоянное и неутомимое преследование обдуманной мысли; словом, усердие и привязанность ко злу. А кто шайтану батрак, тот добру не слуга. Итак, явно, что причина этого действия кроется собственно в нравственности// того или тех, которые предначертали себе путевник этого рода и разбора (с.474-475)...

“Враждебный дух” проникал все страницы издания и шел “рука об руку” с докучливыми, ребяческими выходками. Есть один главный редактор, коего влияние первенствует.

(Загадка:) “каким образом статья, которую я напишу, в которой вылью свои мысли, понятия, чувства, в которой стремлюсь послышно достигнуть того, что по-моему добро и благо, и стараюсь изложить все это таким языком, какой считаю приличным и пригожим, каким образом статья эта является за моей подписью в таком виде, что содержит намеки и обороты, коих я с намерением чуждался, что проникнута таким духом, в каком я не писал и не стану писать никогда, словом, статья эта явно испятнана рукою недоброжелательного человека...”

(В 17-ой книге эта загадка раскрыта, так как в ней сказано, что) “редактор Библиотеки есть настоящий редактор, то есть он переделывает все статьи сотрудников на свой лад...”

Не хотите быть переправлены, не суйтесь в Библиотеку (с. 475-476)...

Кто теперь распутает и разберет, какая доля статей, напечатанных в Библиотеке, принадлежит подложным подписям и какая - скромному трубочу и глашатаю, который печатал несколько лет сряду то, что другие писали, а ныне объявляет случайно, мимоходом, что он и он один - сочинитель всех хороших статей, напечатанных под разными именами в Библиотеке (с. 476).

Имена сотрудников исчезли с обертки Библиотеки; нам говорят ныне просто, что все известные писатели участвуют в этом издании (с. 478)...

(Далее (с. 478-479) - мнение о Сенковском как редакторе и журналисте).

Какой вольный казак словесного царства потерпит над собою и над самим художеством самовластие этого Хивинского хана? И взгляните на все, что

он писал, то есть сам писал, а не набрал напрокат у других: в науке положительной он, может быть, полезен, не спорю; но в изящной словесности он писатель безвкусный, приторный, неблагопристойный, развратный, а разврат всегда распространяется и прививается легче и скорее, чем самая добродетель. Вот почему хан этот опасен и вреден...

Подадим же друг другу руки взаимной приятности, обменяемся обетами стоять за Русское печатное слово, трудиться, по мере сил своих, на пользу образования и просвещения, словом, на все благое и хорошее. Предоставим любителю тьмы трудиться на пагубу и развращение; отыдем от зла и сотворим благо.

“Московский наблюдатель” и “Современник”, вот два повременные издания, основанные, по духу и направлению своему, с достойной и благородной целью; основатели и того и другого издания давно уже заслужили уважение и доверенность нашу, к ним обратимся и завещаем в изданиях их духовную жизнь нашу или тот луч духовной жизни, который требует общности, всенародности, который был и будет основателем изданий повременных, не входя в состав и содержание того, что мы привыкли называть книгою. Чувство, питаемое всеми нами к издателю “Современника”, должно воспламенить каждого из нас к благородному соревнованию на поприще полезного и изящного. В словах этих, читатель, по собственному чувству своему, надеюсь, не захочет искать пошлой лести...

(Оба издания еще) не совсем удовлетворили по своему содержанию. Скажем им это в глаза, но скажем, что должно, и в оправдание себя и их. Ни два, ни три, ни даже десять человек не в состоянии поддерживать и наполнять повременное издание, дневник настоящего поколения; но общими силами, союзными трудами и волею, при единодушном стремлении к возвышенной мете - можно сделать много, все, что только человек создать и сделать в состоянии. Во-вторых, никто не может произвести внезапный перелом, если к этому не все уже подготовлено случаем и обстоятельствами; нужно время. Журналистика наша, не достигнув еще большой степени совершенства, упала злоупотреблением человека, // коему доверили огромные вещественные средства. Она обратилась в единоржие, вредное везде, а здесь убийственное. Журналистика унизила и попрала сама себя ногами, опьянев от вольной, буйной и разгульной жизни, где не встречала ни ровни, ни соперника, ни соревнователя. Дайте ей встать, опомниться, оправиться, отбить колодку, прогулять последние медные деньги, стряхнуть с себя этот неуместный колпак с бубенчиками - и дело пойдёт. Благое преобразование это уже начато “Современником” и “Наблюдателем”; дайте больше рук и больше средств, и дело свершится. Подадим все братскую руку помощи людям, которые умели приобрести любовь искреннюю, глубокое уважение наше; соединимся на полезное, благое дело и мы исполним долг, призвание и назначение свое, будем правы перед людьми и совестью.

Я вовсе не говорю, чтобы мы были обязаны отказаться единожды навсегда от вещественной денежной прибыли за посильные труды наши; нет, это было бы нелепо. Но никогда науки и искусства не должны быть поруганы и обесчещены, обращены в дойную корову: это сокровищницы ума и сердца, а не бумажник. Я возьму деньги за статью, которую написал; но я никогда не напишу статью за деньги, то есть не стану писать того, к чему побуждает меня одна только плата. Я продавал то, что писалось, человеку, которого чту и уважаю, а не ящику с рукояткой, не пришельцу и самозванцу, который, видно, знает все языки в мире, кроме Русского, который, говоря, очень учен и трудолюбив, но который на поприще критики, журналистики и изящной литературы решительно себя опозорил и - конец концов - который во всех произведениях своих, в словах, речах и в самых поступках обнаруживает высшую степень безнравственности.

Так я и ныне охотно жертвую всем, высказав гласно эту горькую правду. Повторяю: пусть злой дух Русской словесности этот новый и небывалый демон, пусть силится и жилится и надрывается - нас разберут современники и разберут потомки. Я обрадуюсь еще раз к первым и подаю им руку на всякое доброе дело и благо: Бог на помощь!

А чтобы г. директор, редактор, общий владелец и литейный мастер, словом, тот человек, который носит столько же имен, званий и прозваний, сколько дней в году, знал, кто слово это молвил, то я, казак Луганский, и подписуюсь: Владимир Иванов Даль, чиновник особых поручений оренбургского военного губернатора.

Оренбург, 1836, 16-го августа.

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.